

УДК 2

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ «НОВОГО КУРСА»

Дашковский Петр Константинович

Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан); Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

Траудт Егор Андреевич

Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

В статье рассматривается положение православного духовенства в Бурят-Монгольской АССР в условиях советской вероисповедной политики «нового курса» (середина 1940-первая половина 1950-х гг.). На основе анализа архивных данных сделан вывод о том, что в послевоенное время духовенство оказалось в двойственном положении. С одной стороны, государство пошло на частичную легализацию церковных структур, а с другой – ужесточило финансовый и институциональный контроль за деятельностью духовенства.

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ «Социокультурная адаптация и взаимодействие религиозных общин центральноазиатских окраин России и Монголии в условиях модернизационных процессов во второй половине XIX – первой четверти XXI в.» (проект №26-48-03003).

В современной историографии преобладает взгляд на советскую вероисповедную политику как на сложный и противоречивый процесс. Применяемые меры государства по отношению к религиозным объединениям не были линейными. Как правило, меры, применяемые к религиозным объединениям, определялись политической целесообразностью и ситуацией на международной арене. Одним из самых важных этапов советской вероисповедной политики по праву можно считать пересмотр государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. Определяющим моментом стала встреча православных митрополитов с И.В. Сталиным в сентябре 1943 г. После этого организация всей религиозной жизни в стране становится подконтрольна государству. Постепенно восстанавливаются церковные структуры, корректируется нормативно-правовая база, определяющая правовое положение религии в СССР [7, с. 315].

В 1945-1960-х гг. из-за трансформации статуса религиозных объединений управление приходом РПЦ изменилось: распорядительным органом стало собрание «двадцатки», исполнительным – церковный совет. Контроль осуществляли ревизионная комиссия и назначаемый епархией настоятель, который возглавлял общину и совет [9]. Таким образом, духовенство вновь сосредоточило в своих руках административную и финансовую деятельность.

Во время Великой Отечественной Войны в Бурят-Монгольской АССР усилилась активность различных религиозных общин. В 1945 г. власти по просьбе верующих разрешили открыть Вознесенскую церковь в Улан-Удэ, а в 1946 г. – Успенскую церковь в Кяхте [8, с. 119]. В Бурят-Монгольской АССР ввиду отсутствия должности уполномоченного Совета по делам РПЦ, контроль за православными религиозными объединениями осуществлял уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР.

Клир православных церквей Бурят-Монгольской АССР в силу объективных условий был немногочисленным и претерпевал частую ротацию. В 1950 г. в храме Вознесения г. Улан-Удэ служило три священника, а в Успенской церкви г. Кяхта – один [5, л. 108]. В архивных документах имеется интересная информация, связанная с наличием «бродячих священников» на территории Улан-Удэ [5, л. 300; 6, л. 100]. Подобная группа служителей культа, существовавшая по всему СССР в разных конфессиях, состояла преимущественно из лиц, не желавших подчиняться государственной политике в отношении религии и систематически уклонявшихся от уплаты налогов [1, с. 145].

В 1949 г. священник Вознесенской церкви г. Улан-Удэ был уволен по инициативе уполномоченного Совета по делам религиозных культов. Поводами стали сокрытие судимости, незаконная деятельность общины по производству и распространению нательных крестиков и донос второго клирика об антисоветской фразе в проповеди [3, л. 1-5]. Данный пример иллюстрирует, что послевоенная легализация религии в СССР в регионах опиралась на лояльных власти религиозных деятелей. Они выступали проводниками государственной вероисповедной политики, демонстрируя конформизм и принимая новые условия существования религии [10, л. 36-37].

Священники религиозных объединений после регистрации облагались подоходным налогом. Ставка налога была прогрессивной и зависела от получаемого священником дохода. К концу 1940-х гг. в русле ужесточения вероисповед-

ной политики, налоговые отчисления увеличивались. Так, если православные священнослужители в Бурят-Монгольской АССР в 1947 г. перечисляли 9 % дохода на налоги, то в 1952 г. процентная доля отчислений составила 36 %. Уполномоченные Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР, объясняя эту ситуацию, писали об улучшении налогового учета со стороны финансовых органов, что позволяло взимать большую сумму. Несмотря на чрезмерную фискальную нагрузку, уже лежащую на клире, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР выступал с инициативой по увеличению сумм взимаемых сборов [5, л. 270].

Духовенству, обслуживающему персоналу храмов и верующим приходилось участвовать в приобретении облигаций государственного займа по восстановлению народного хозяйства. Данный жест, с одной стороны, был удобным механизмом для подрыва финансовой базы религиозных объединений, а с другой, – являлся наглядным выражением политической лояльности к советскому строю [2, с. 451]. Например, в 1951 г. Вознесенской церковью г. Улан-Удэ на эти цели было потрачено 25, 2 тыс. руб. Большую часть этой суммы (15 тыс. руб.) внесли прихожане. Успенская церковь г. Кяхты в этот же год приобрела облигации на сумму 2,6 тыс. руб. В 1952 г. Вознесенская церковь внесла уже 39,4 тыс. руб. [6, л. 98]. Со стороны государственной власти звучали призывы использовать проповеди священнослужителей для стимулирования участия верующих в подписке на государственный заем [5, л. 28]. Обязательным для священников было участие в выборах в советские органы. За этим также следил уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР [6, л. 17].

Таким образом, положение православного духовенства в Бурят-Монгольской АССР в период «нового курса» (середина 1940-первая половина 1950-х гг.) определялось комплексом факторов. С одной стороны, священнослужители получили возможность легального существования и служения в официально открытых храмах. С другой стороны, государство выстраивало систему контроля, используя фискальные механизмы, принудительные займы и институт уполномоченных. Это создавало сложную атмосферу внутри приходов, где возможность служения напрямую зависела от демонстрации лояльности советскому государству.

Литература

1. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. / А. Л. Беглов. – Москва : Арефа, 2008. – 352 с.
2. Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь / Т. Б. Бердникова // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945-1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4-6 декабря 2014 г. Москва : Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. – С. 451-463.
3. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459.
4. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20.
5. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542.
6. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544.
7. Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.): исторические очерки / И. А. Курляндский. – СПб. : Петроглиф, 2019. – 375 с.
8. Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии / Г. С. Митыпова. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. – 231 с.

9. Положение об управлении Русской Православной Церковью» (31 января 1945 г.) / Сост. Г. Штриккер // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. – Москва : «Пропилеи», 1995. – Кн. 1. – С. 349–355.

10. Савин А. И. Советское государство и религиозные организации: от политики «разделяй и властвуй» к политике «объединяй и властвуй» / А.И. Савин // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: Материалы XI Международной научной конференции. – Москва : Политическая энциклопедия, 2019. – С. 31–38.